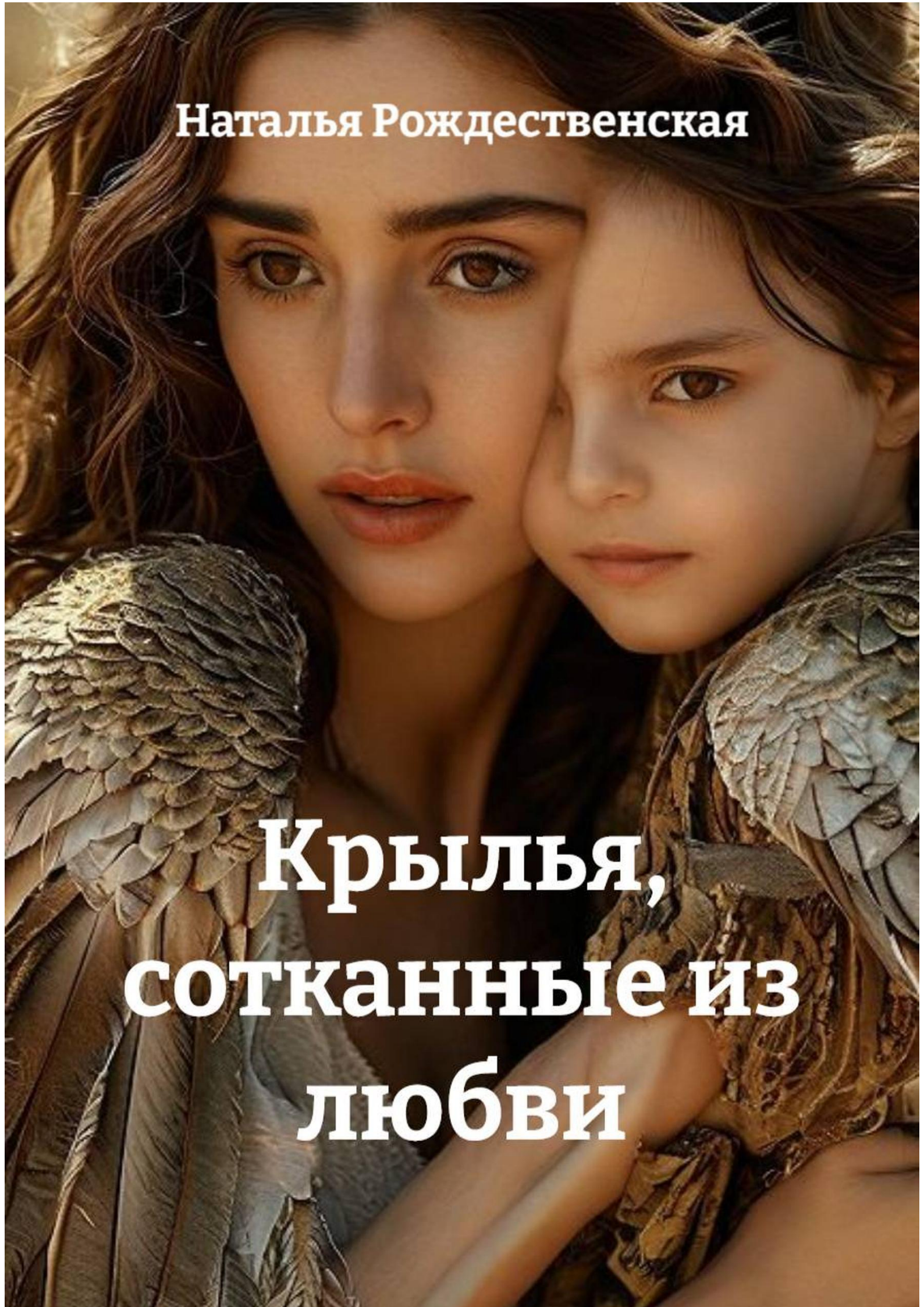

Наталья Рождественская

**Крылья,
сотканные из
любви**

Наталья Рождественская

Крылья, сотканные из любви

«Автор»

2026

Рождественская Н. В.

Крылья, сотканные из любви / Н. В. Рождественская — «Автор», 2026

«Крылья, сотканные из любви» - история о том, как материнская нежность становится самой крепкой бронёй. В центре этой эмоционально насыщенной истории — Ханде, чья жизнь, казалось бы, соткана из света софитов и восторженных взглядов публики. Но за ослепительным фасадом славы скрывается хрупкий мир, где боль и уязвимость прячут за безупречной улыбкой. Когда на семью обрушивается тяжёлое испытание, а безжалостная волна хейта накрывает Ханде с головой, именно в этот момент проявляется истинная сила — не её собственная, а сила материнской любви. Айлин, находясь на больничной койке, находит в себе мужество встать на защиту дочери: её проникновенное видеообращение к публике звучит как тихий, но стальной приказ — оставить Ханде в покое, дать ей право просто быть дочерью, а не героиней сплетен. Этот поступок становится для Ханде не просто поддержкой — он становится её опорой, её щитом, её источником сил, чтобы не сломаться под тяжестью чужих слов.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Наталья Рождественская

Крылья, сотканные из любви

Глава

«Это художественное произведение. Все имена, персонажи, места и события — плод авторского воображения. Совпадения с действительностью случайны».

Крылья, сотканные из любви

Часть двенадцатая

...Говорят, что самые сильные крылья вырастают в моменты, когда кажется — сил больше нет.

Декабрь 2018 года стал для Ханде временем, когда любовь перестала быть просто словом и превратилась в действие, а нежность обрела форму решимости. Она не искала громких оправданий, не пыталась никому ничего доказывать. Она просто была рядом — и в этом заключалась вся её правда.

В декабре Стамбул будто специально приглушал свои огни, чтобы не мешать той особенной тишине, в которой так остро слышалось каждое слово, каждый вдох. В те дни Ханде жила по другому ритму: не по расписанию съёмок, не по дедлайнам продюсеров, а по времени приёма лекарств, по часам визитов к врачам, по дыханию мамы. Каждый удар её сердца словно отсчитывал не секунды, а мгновения, которые нельзя было потерять.

Айлин улыбалась, старательно пряча, как тяжело ей даётся даже эта улыбка. А Ханде улыбалась в ответ — так, чтобы мама чувствовала: всё обязательно будет хорошо. Даже если внутри всё сжималось от тревоги, даже если сердце стучало слишком громко, будто хотело вырваться из груди.

— Ты не должна жертвовать собой ради меня, — тихо говорила Айлин, когда Ханде в очередной раз отказывалась от предложения, которое могло стать большим шагом в карьере.

— Я не жертвую, — отвечала Ханде, накрывая мамину руку своей, согревая её, будто могла передать ей хоть немного своего тепла. — Я выбираю быть здесь. Это мой выбор, и он правильный.

И она сделала шаг, который требовал не просто смелости, а огромной внутренней силы, — стала донором костного мозга. Процедура прошла, но тело отозвалось по-своему: появилась сильная отёчность лица, каждый день давался тяжелее, чем предыдущий. Ханде смотрела в зеркало и не узнавала себя, и в эти минуты ей хотелось спрятаться от всех, стать невидимой, раствориться в полумраке комнаты.

А потом началось то, что ранило почти физически: в соцсетях, в бульварных заметках, в комментариях под старыми фото — хейтеры опять не отставали. Кто-то язвил про «странный вид», кто-то строил теории, кто-то цинично рассуждал, куда пропала актриса. И каждое такое слово падало на и без того уставшую душу, как капля ледяной воды. Ханде читала и чувствовала, как внутри всё сжимается, как хочется просто крикнуть: «Оставьте меня в покое! У меня сейчас болит самое дорогое!» — но вместо крика она стискивала зубы и закрывала телефон, чтобы не дать чужой жестокости проникнуть туда, где и так было слишком много боли.

Но однажды, когда Ханде сидела, уткнувшись лбом в колени, а слёзы катились сами собой, не спрашивая разрешения, Айлин тихо, но твёрдо сказала:

— Не позволяй им забирать у тебя право на тишину. Ты имеешь право просто быть рядом со мной, не оправдываясь перед каждым, кто не знает, что такое настоящая боль.

Ханде подняла глаза, полные слёз:

— Но они пишут такое... такое злое... Я не понимаю, зачем.

— Потому что им проще смеяться, чем чувствовать. Но ты не обязана носить их слова в себе. Ты можешь не отвечать. Ты можешь просто не читать. Ты можешь сказать: «Сейчас не время». И это будет честно.

Слова мамы стали для неё щитом. Впервые Ханде нашла в себе силы не оправдываться, не вступать в споры, не пытаться доказать, что она всё та же. Она сделала пост — один-единственный, короткий и прямой:

«Сейчас я берегу силы для самого важного. Пожалуйста, дайте мне эту возможность. Спасибо за понимание».

Это было не признание слабости, а проявление силы: умение очертить границу и защитить своё хрупкое «сейчас». И когда под постом начали появляться не насмешки, а слова поддержки, Ханде впервые почувствовала, что не одна.

...А потом случилось нечто, от чего у всей семьи на глазах выступили слёзы — но теперь это были слёзы гордости. Однажды, когда Айлин немного окрепла после очередной процедуры, она попросила телефон и, едва держа его слабыми пальцами, записала короткое видеообращение. Голос её звучал тихо, но в нём была такая внутренняя твёрдость, что казалось, будто за ней стоит вся материнская любовь мира.

— Я мама Ханде, — сказала Айлин, глядя прямо в камеру, и в её глазах читалась не только усталость, но и решимость защитить своё дитя. — Сейчас нам очень важно просто быть вместе. Я прошу всех, кто читает и смотрит: пожалуйста, оставьте её в покое. Дайте ей возможность быть дочерью, а не героиней сплетен. Если вы любите её как актрису — пожелайте ей сил. Если вы просто листаете ленту — пролистайте дальше. Но не раньте. Пожалуйста.

Когда Ханде увидела это видео, она долго не могла вымолвить ни слова. Она прижимала телефон к груди, будто хотела, чтобы мамина сила перешла к ней через этот маленький экран. И поняла: даже лёжа в больничной палате, мама оставалась её главной опорой. Даже когда самой Айлин было тяжело дышать, она нашла силы встать на защиту дочери — хотя бы так, голосом, который дрожал, но не ломался.

...Мурат был рядом в каждом из этих ударов и в каждой попытке выстоять. Когда Ханде впервые решилась выйти из дома, он не торопил её, не тянул вперёд, а шёл рядом, чуть позади, давая ей пространство, но оставаясь достаточно близко, чтобы в любой момент подхватить, если ноги вдруг станут ватными.

— Если станет тяжело, — тихо сказал он у дверей, — мы сразу вернёмся. Или просто постоим здесь, подышим. Главное, чтобы ты чувствовала, что ты в безопасности.

Он не просил её быть сильной. Он просто делал так, чтобы ей не приходилось быть сильной в одиночку. Приносил горячий чай, садился на край кровати и тихо рассказывал что-то совсем обычное: про шум дождя на улице, про старый фильм, который когда-то их рассмешил, про то, как город засыпает и просыпается. И в этих простых словах было столько опоры, что Ханде понемногу начинала дышать ровнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.